

**Слово,
произнесенное настоятелем Тверского Успенского Желтикова монастыря
Архимандритом Петром при наречении его во епископа Балахнинского,
викария Нижегородской епархии,
в покоех Святейшего Патриарха Тихона
1 февраля 1919 года**

«Ваше Святейшество и Ваше Преосвященство, богомудрые архипастыри и отцы.

В настоящие знаменательные дни моей жизни, мысль моя все время останавливается на той дивной, величественной и в высшей степени умильной картине, которую так просто и такими яркими красками изобразил во Святом Евангелии апостол любви, возлюбленный ученик и наперсник Христов, святой Богослов Иоанн.

Моему мысленному взору представляется тихая, спокойная, ничем не возмущаемая гладкая зеркальная поверхность моря Тивериадского. Вижу я на морском берегу сети, только что вынутые после обильного чудесного улова рыбы. Вижу я на берегу разложенный огонь и рыбу, на нем лежащую, и хлеб (Ин. 21:5). Вокруг огня сидит несколько человек апостолов, которые совершают свою дневную трапезу. Среди них присутствует внезапно явившийся им их воскресший из мертвых Божественный Учитель.

В глубоком молчании проходит трапеза. Но вот благоговейную тишину нарушает неземной голос Воскресшаго, Который обращается к одному из апостолов — Симону Петру — и кротко вопрошаешь его: «Симоне Ионин, любишь ли ты Мя паче сих?» (Ин. 20:15). Что должен был почувствовать и пережить при этом вопросе пылкий ревностный ученик? Сердце его трепетно билось, грудь волновалась от прилива покаянного чувства, краска стыда за содеянное покрывала его ланиты.

С быстротою молнии, в одно мгновение пронеслось в голове его все недавнее прошлое. Вот он, простой, бедный, незнатный и необразованный рыбак призывается к апостольскому служению Тем, о Котором «большой среди рожденных женами» (Мф. 11:11), великий Креститель Иоанн, свидетельствовал как об Агнце Божиим, вземлющем грехи мира (Ин. 1:20). Мало того — Галилейский Пророк и Учитель еще более приближаешь его к Себе, делает его одним из двенадцати самых близких учеников Своих. Он с тех пор всюду следует за Иисусом Назарянином. Он видит творимые Им безчисленные чудеса и сам Его именем творить их. Он ходить по водам как по твердой земле. Он присутствуешь на горе Преображения. Он видит небесную славу своего Учителя. Он слышишь Глас Бога Отца, называющего его Учителя Своим Сыном возлюбленным. В его собственном доме Иисус Христос творить чудо — возвращаешь здоровье его больной теще. По озарению свыше он называешь Учителя Христом, Сыном Бога Живаго. Ему даются ключи от Царствия Небеснаго. Он получаешь власть вязать и решить грехи человеческие.

Все это с быстротою молнии проносится в его голове и вызывает чувство глубокого раскаяния. Как после всего этого он мог пасть? Как после стольких милостей он мог не просто, а с клятвою, и не один раз, а трижды отречься, яко не знает Человека Сего (Мф. 24:72)? Да, он пал так низко, он согрешил тяжко...

Теперь этот огонь, около которого сидит он, напоминает ему другой огонь, около которого он грелся в ту злополучную ночь, когда незаконные судии судят Праведнаго Судию. И самый милостивый вопрос Воскресшаго: «Любишь ли Мя паче сих?» напомнил ему его смелые самоуверенные слова, произнесенные им: «Аще и вси соблазнятся, аз никогда же соблазнюся» (Мф. 24:33).

Но Сердцевед знал, что падение камня веры было хотя и глубокое, по отнюдь не безнадежное. Он знал, что ученик пал вследствие неопытности в духовной жизни, вследствие неровности своего характера. Он знал, как велика слабость нашей природы, когда ее оставит Бог, и как худо не возлагать всего упования на Бога, а надеяться на себя (свят. Иоанн Златоуст). Он видел всю горячую любовь Апостола, всю глубину его покаянного чувства и, открывая их, вопрошает его: «Любиши ли Мя?» Что иное мог

ответить искренно и горячо любящий ученик, как только из глубины смиренного и благодарного сердца воскликнуть: «Господи, Ты вся веси: Ты веси, яко люблю Тя» (Ин. 21:17). И на это удостоился услышать: «Паси овцы Моя, паси агнцы Моя» (Ин. 21), чем возвращалось ему апостольское достоинство.

Теперь взор свой от моего небесного покровителя святого апостола Петра я перевожу на самого себя, и всякого человека, превозшедша грехами себя зрю (Канон св. Андрея Критского). Не трижды, подобно Апостолу, я в течение жизни своей отрекался от Бога моего, а постоянно и делами, и словами, и помышлениями я отступал от Него, нарушал Его Святые Заповеди, не сохранял повелений Его. А когда я смотрю на пройденное пространство жизненного пути моего, — о какое многое множество и столь великих благодеяний, вижу я, было оказано мне многомилостивым Господом...

Я имел счастье родиться от благочестивых родителей, которые научили меня первоначальным понятиям Святой Православной Веры. Через таинство Святаго Крещения я сподобился войти в Церковь и стать членом Тела Христова, единственной истинной Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Я имел счастье при обучении светским наукам в гимназии слушать уроки по Закону Божию у верующего, благочестивого, умного и сердечного законоучителя. Жажду богословских познаний я удовлетворял в православной Академии. Там, в Академии, я уже дважды слышал обращенный ко мне небесный глас: «Любиши ли Мя?» Один раз при пострижении в монашество, другой при посвящении меня в сан иеромонаха. Ныне слышу в третий раз и, может быть, уже в последний, Божественный зов: «Любиши ли Мя? Аще любиши Мя, Петре, паси агнцы Моя, паси овцы моя, паси избранныя Моя».

Что же иное могу я сказать на это, как только из глубины благодарного сердца воззвать: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое, я иду; да будет воля Твоя». Но я сознаю хорошо свое полное недостойство, свою великую немощь, я знаю, что мне надо горячо и много молиться о ниспослании мне Божественной помощи для предстоящего служения; но я чистосердечно признаюсь, что за 19 лет монашества я не научился молиться. У меня нет той могучей действенной молитвы, которая способна была бы пройти небеса, достичь Престола Божия и преклонить Господа на исполнение моего моления.

Мне остается лишь одно — смиренно и усердию молить Вас, Святители Божии, паче же Тебя, архипастырь Церкви Нижегородской, благоволившего избрать меня своим помощником, когда будете низводить на меня Божественную Благодать, не в виде огненных языков, как в день Святыя Пятидесятницы, а чрез возложение словес Святого Евангелия и чрез возложение Ваших Святительских десниц.

О, помолитесь тогда, Святители Божии, Вашими многомогущими и действенными молитвами, да даст мне Бог Отцов и Господь милости Престолу Своему приседящу премудрость, и да не отринет меня от отрок Своих, ибо я человек грешный, немощный и слабый в ведении Суда и законов. Да ниспошлет ее от Небес Святых Своих и от Престола Славы Своея, да благопоспешит мне во всех делах моих, да вразумить не к тому себе жити, но нашему общему Владыце и Благодетелю, да наставить творити всегда волю Его святую и совершенную, и сподобит прочее время живота моего в мире и покаянии скончати, непостыдно стати пред Лицом Его и восприяти мзду верных служителей в день страшный воздаяния Его праведного.

Цит. по: Русский Паломник. № 11–12. Калифорния (США). 1995. С.90–91.